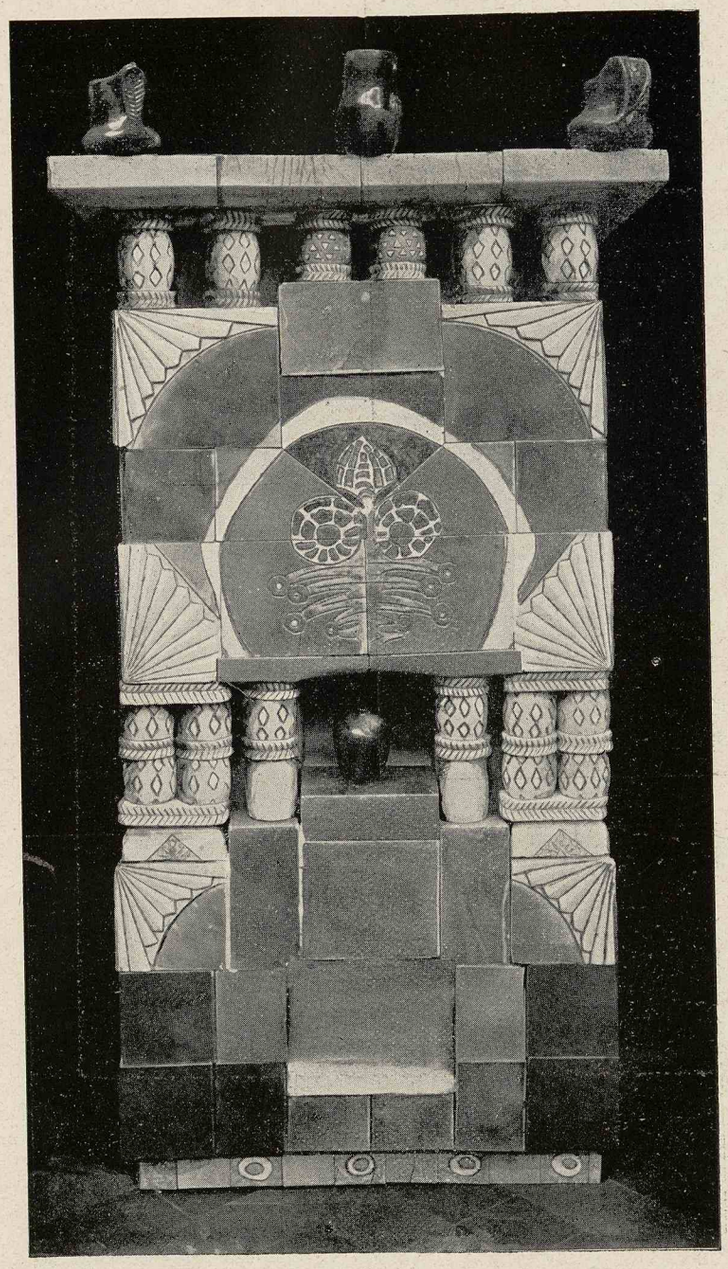
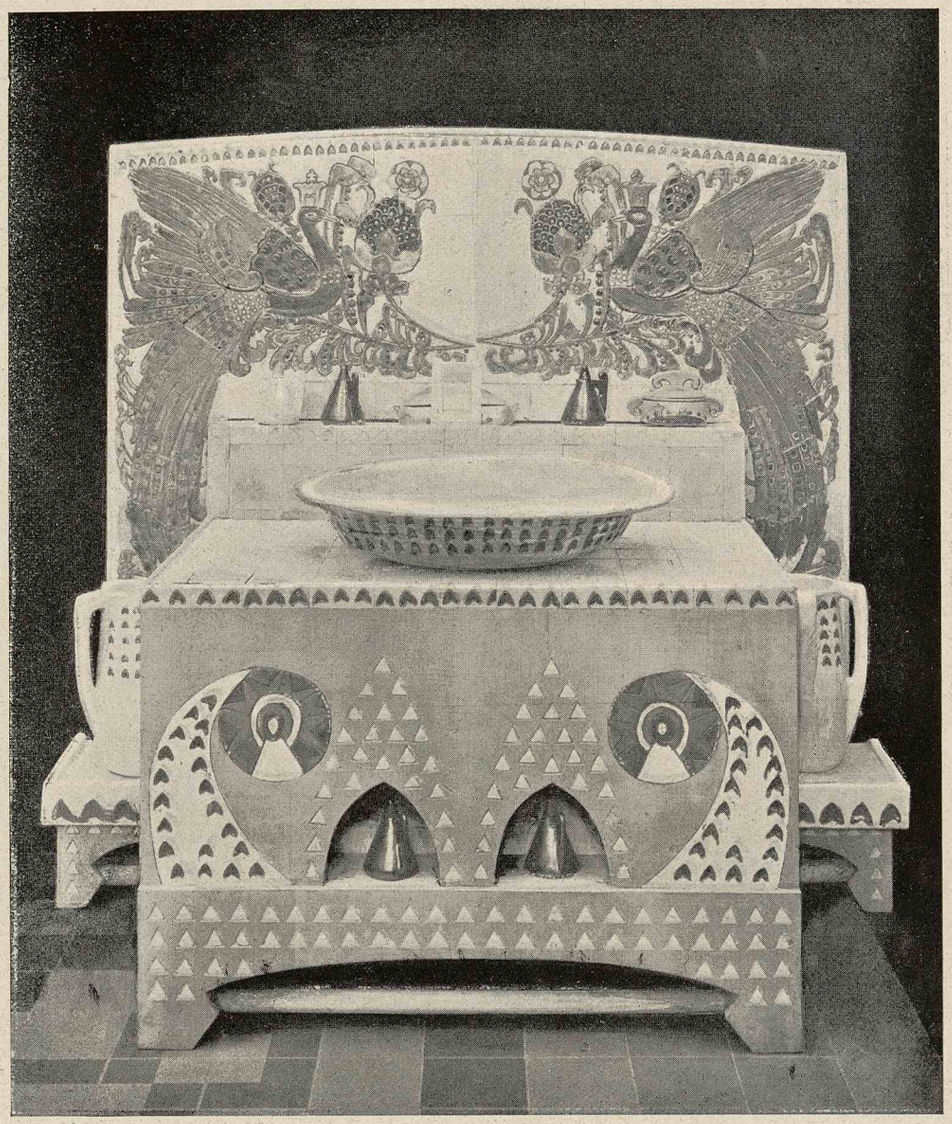


А. Головинъ.
Изразцовая
печь.

А. Головинъ. Маіоликовое блюдо.

А. Головинъ. Маіоликовое блюдо.

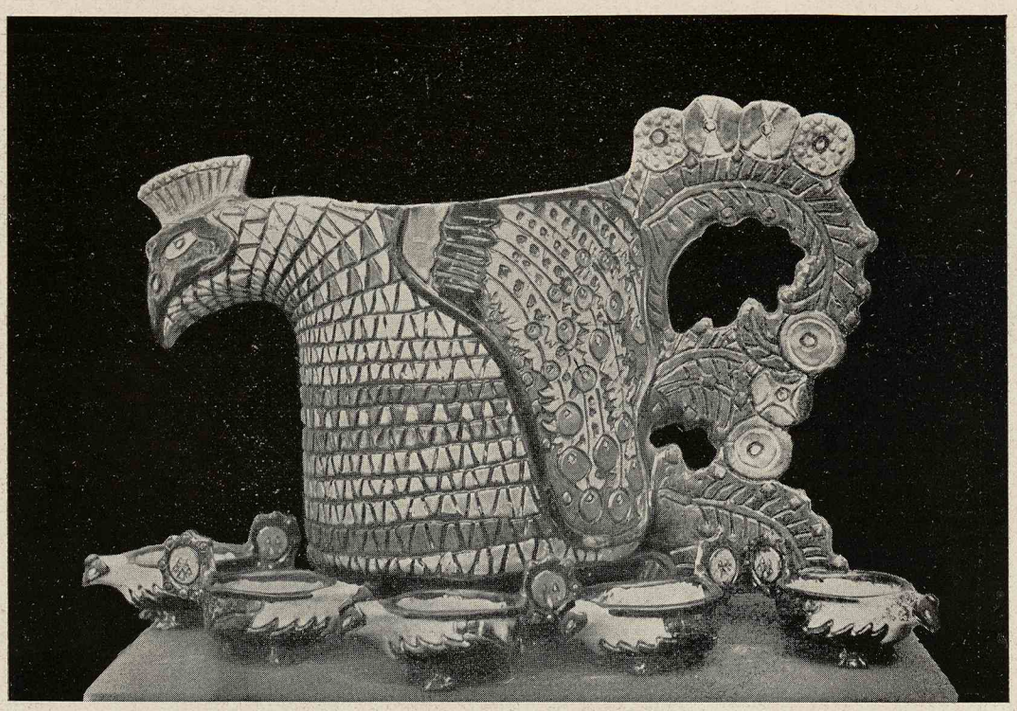
Кн. П. Трубецкой.
Дѣти.



А. Головинъ.
Умывальникъ изъ маіолики и дерева.

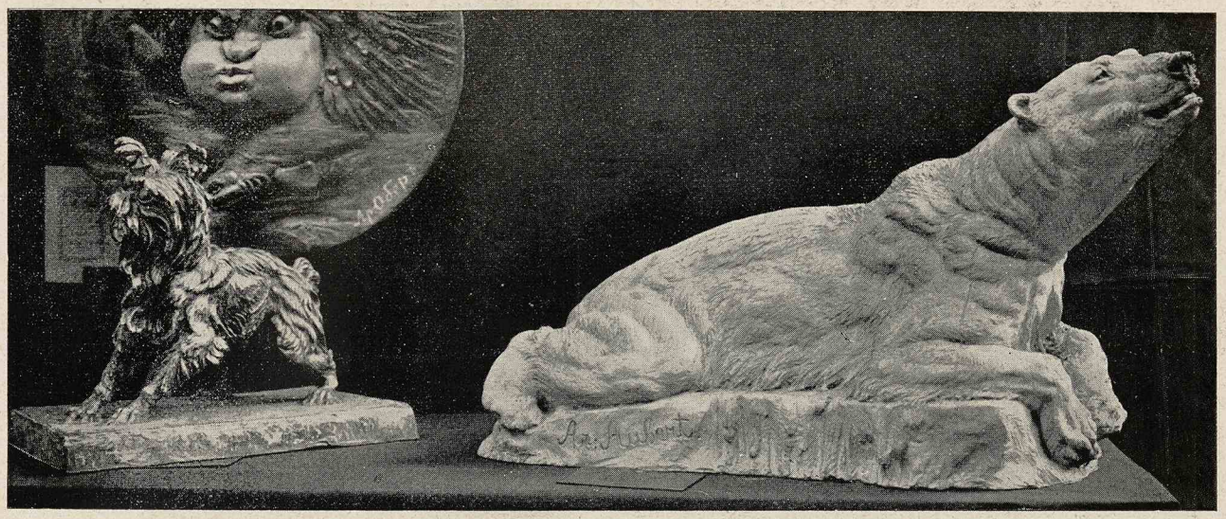
Каминъ М. Врубеля. Мебель А. Головина.

Пано и дверь А. Головина. Шкафъ В. Васнецова.

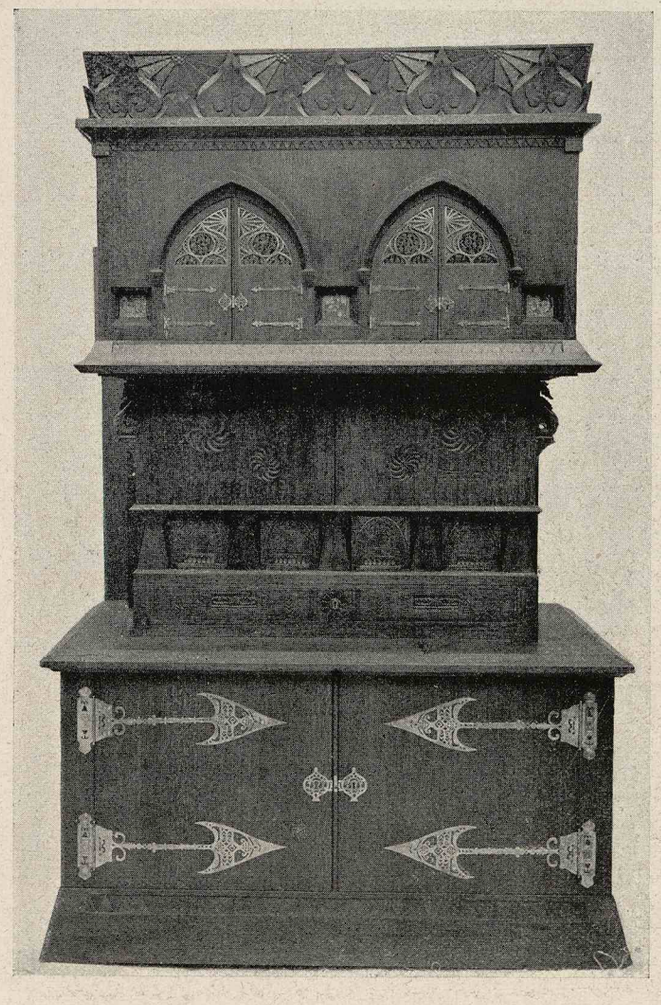


А. Головинъ.
Братина.

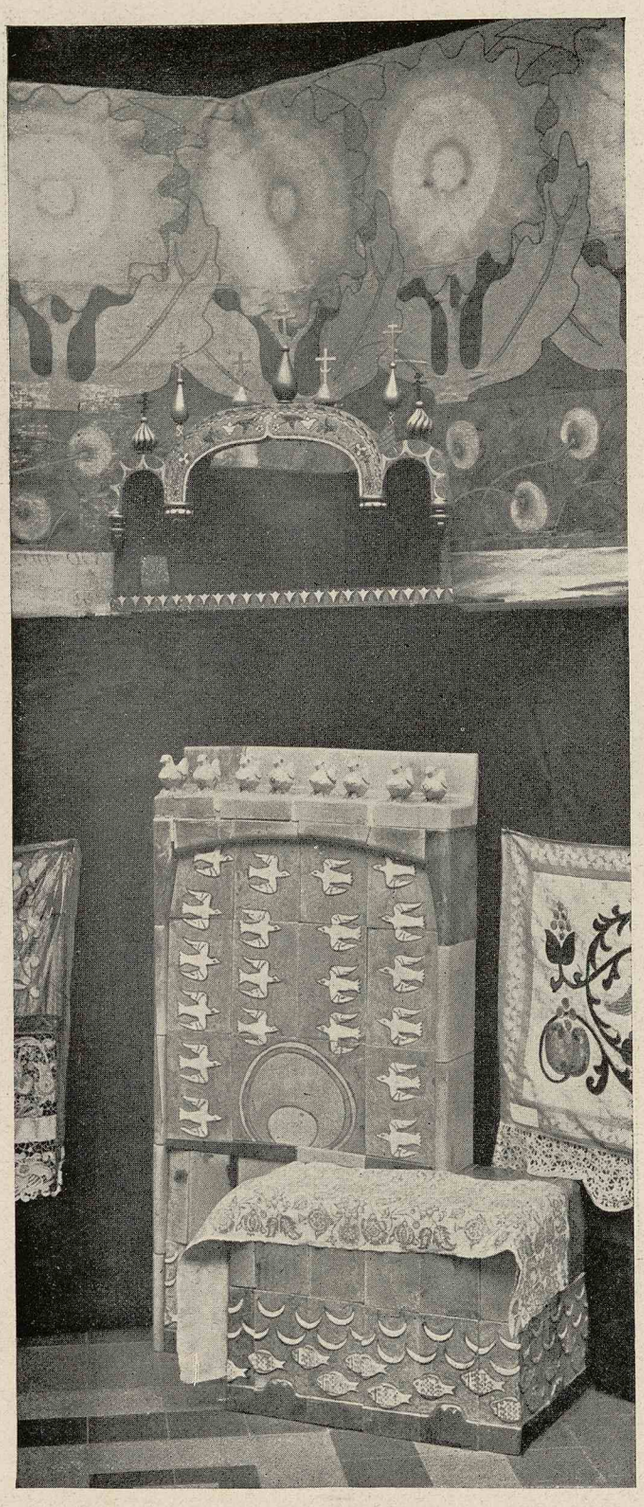
А. Головинъ.
Кувшинъ.



А. Оберъ.
Бѣлый медвѣдь.



С. Малютинъ.
Шкафъ.



Изразцовая лежанка А. Головина. Божница В. Васнецова.

Литературный отдѣл.

Левъ Толстой и Достоевскій

Д. Мережковскаго.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Л. ТОЛСТОИ И ДОСТОЕВСКІЙ, КАКЪ ЛЮДИ.

II.

Юнкеръ Оленинъ мечтаетъ о флигель-адъютантствѣ. Мы знаемъ, что юнкеръ артиллеріи гр. Л. Н. Толстой также мечталъ о флигель-адъютантствѣ и георгіевскомъ крестѣ. „Во время службы на Кавказѣ, — разсказываетъ Берсъ,—Левъ Николаевичъ страстно желалъ получить георгіевскій крестъ". При открытіи Крымской кампаніи онъ сначала былъ подъ Силистріей, потомъ перешелъ въ Севастополь, гдѣ пробылъ подъ огнемъ трое сутокъ на четвертомъ бастіонѣ и участвовалъ въ штурмѣ, когда былъ взятъ Малаховъ курганъ, выказывая большую храбрость.

Это свое тогдашнее военное честолюбіе выразилъ онъ впослѣдствіи съ обычною откровенностью въ тайныхъ мысляхъ одного изъ своихъ любимыхъ героевъ, князя Андрея Болконскаго въ *Войнѣ и Мирѣ*, который мечтаетъ сдѣлаться русскимъ Наполеономъ.

„Если я хочу этого, хочу славы, — говоритъ себѣ кн. Андрей передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ,—хочу быть извѣстнымъ людямъ, хочу быть любимымъ ими, то вѣдь я не виноватъ, что хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. *Я никогда никому не скажу этого*, но Боже мой! что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди: отецъ, сестра, жена—самые дорогіе мнѣ люди, но какъ ни страшно и неестественно это кажется, я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей".

Левъ Николаевичъ былъ уже представленъ къ столь страстно имъ желаемому георгіевскому кресту, но не получилъ его—какъ увѣряетъ Берсъ—„вслѣдствіе личнаго нерасположенія одного изъ начальниковъ". Эта неудача сильно опечалила его, но вмѣстѣ съ тѣмъ „измѣнила его взглядъ на храбрость",— со своимъ неизмѣннымъ простодушіемъ увѣряетъ Берсъ. Ему-же признался однажды

Левъ Николаевичъ „въ своей гордости и тщеславіи“: когда послѣ неудачъ въ молодости, т. е. военныхъ, онъ пріобрѣлъ громкую славу писателя, онъ высказывалъ мнѣ, что эта слава величайшая радость и большое счастіе для него. По его собственнымъ словамъ, въ немъ было пріятное сознаніе того, что онъ писатель и аристократъ“. Иногда съ усмѣшкой говорилъ онъ, что „не заслужилъ генерала отъ артиллеріи, за то сдѣлался генераломъ отъ литературы“.

Едва-ли нѣкоторая грубость и беззастѣнчивость этихъ словъ принадлежитъ Толстому; по всей вѣроятности даже въ шуткѣ, съ глазу на глазъ, съумѣлъ онъ выразиться тоньше и стыдливѣе. Но, съ другой стороны, надо видѣть всю глубину наивнаго, такъ сказать, безпомощнаго благоговѣнія Берса передъ великимъ родственникомъ, чтобы чувствовать, что на какую-нибудь злую и остроумную выдумку онъ совершенно неспособенъ. Онъ пишетъ свое *житіе* Л. Толстого въ простотѣ сердца, какъ создатели древнихъ легендъ, хотя, правда, простота Берса для его героя — иногда хуже воровства, зато для изслѣдователя, можетъ быть, лучше всякаго ума.

Какъ бы то ни было, разочаровавшись въ войнѣ и въ военной храбрости, которой впослѣдствіи онъ такъ безсмертно и безпощадно отомстилъ въ своихъ великихъ произведеніяхъ, вышелъ онъ въ отставку поручикомъ артиллеріи и уѣхалъ сначала въ Петербургъ, потомъ за границу. „Петербургъ, — замѣчаетъ Берсъ, — ему никогда не нравился. Онъ не могъ ничѣмъ выдвигаться въ высшемъ кругу Петербурга: служебной карьеры, разумѣется, не домогался, большимъ состояніемъ не владѣлъ, а громкой славы писателя тогда еще не составилось“.

Вернувшись изъ-за границы въ годъ освобожденія крестьянъ, Толстой занялся мировымъ посредничествомъ и сельскою школою въ Ясной Полянѣ. Одно время думалъ онъ отдать всю свою жизнь этой дѣятельности и окончательно успокоиться на ней. Но мало по малу разочаровался и въ школѣ такъ-же, какъ во всѣхъ своихъ прежнихъ попыткахъ дѣлать людямъ добро. И дошелъ, наконецъ, до того, что увидѣлъ нѣчто „преступное“—какъ онъ самъ выражается — въ своемъ отношеніи къ дѣтямъ:

„Мнѣ казалось, что я развратилъ чистую, первобытную душу крестьянскаго ребенка. Я смутно чувствовалъ въ себѣ раскаяніе въ какомъ-то святотатствѣ. Мнѣ вспоминались дѣти, которыхъ праздные и развратные старики заставляютъ ломаться и представлять сладострастныя картины для разжиганія своего усталаго, истасканнаго воображенія“.

Покаяніе, какъ всегда у него, хотя искреннее, но безудержное и болѣзненно-чрезмѣрное. Изъ его тогдашнихъ школьныхъ дневниковъ одно лишь ясно, что онъ дѣйствительно заботился не столько о дѣтяхъ, сколько о себѣ самомъ. Заставляя Ѳедьку и Сеньку писать сочиненія, которыя потомъ въ своемъ педагогическомъ журналѣ объявлялъ онъ болѣе совершенными и геніальными, чѣмъ произведенія Л. Толстого, Пушкина и Гете, онъ дѣлалъ на душахъ дѣтей, можетъ быть, слишкомъ для себя отвѣтственные и для нихъ небезопасные опыты со своею собственною душою. Онъ любовался,—вѣчный Нарциссъ,— своимъ отраженіемъ въ дѣтскихъ душахъ, какъ въ зеркалѣ глубокаго и дѣвственнаго родника. Онъ любилъ и въ дѣтяхъ, этотъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ роковой для нихъ и страшный учитель, только себя, себя одного.

„Дѣло, казалось, шло хорошо,—признается онъ въ „Исповѣди“, — но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ, и долго это не можетъ продолжиться“.

Въ немъ уже опять готовился нравственный переворотъ. „Я заболѣлъ,—говоритъ онъ — болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ

все и поѣхалъ въ степь, къ башкирамъ, пить кумысъ и жить животною жизнью".

Вернувшись, онъ женился на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ.

Всѣ прежнія попытки устроиться въ жизни — нехлюдовская помѣщичья благотворительность, опрощеніе въ казачьей станицѣ, война, школа — были только любительствомъ, дилетантизмомъ, въ самомъ широкомъ, старинномъ смыслѣ этого слова — „*охотою*", ибо во всю свою жизнь онъ, подобно дядѣ Ерошкѣ, прежде всего — великій, безконечно-разнообразный *охотникъ*.

Но женитьба—это уже не охота, не игра, а первое въ жизни его, важное, все обновляющее и все преобразующее, святое и страшное для него дѣло, которому онъ не только хочетъ отдаться, но дѣйствительно отдается всею душою.

Ему тридцать четыре года, ей восемнадцать. Тотчасъ послѣ свадьбы уѣхали они въ Ясную Поляну и провели въ ней почти безвыѣздно около двадцати лѣтъ, въ совершенномъ уединеніи, никогда не скучая, ни въ комъ не нуждаясь. Это—лучшіе годы Л. Толстого, въ которые онъ создалъ „Войну и Миръ" и „Анну Каренину",—высшій подъемъ и разцвѣтъ его силъ. Любовь ея къ мужу безгранична, — пишетъ братъ Софьи Андреевны, — близость, дружба и взаимная любовь этой четы всегда служили для меня образцомъ и идеаломъ супружескаго счастія. Недаромъ говорили ея родители: „Сонѣ лучшаго счастья пожелать нельзя!"

Мы видимъ въ „Воспоминаніяхъ" Фета эту Наташу или Китти, одинъ изъ самыхъ безупречныхъ и законченныхъ женскихъ образовъ помѣщичьей русской культуры, — „всю въ бѣломъ, съ огромною связкою тяжелыхъ ключей за поясомъ",—простую, тихую, всегда веселую и большею частью беременную, потому что у нея тринадцать человѣкъ дѣтей. Она семь разъ переписала *Войну и Миръ*, и одновременно съ этимъ трудомъ — говоритъ Берсъ — и съ заботами хозяйки дома, доходившими до подробностей въ кухнѣ, она сама успѣвала кормить, учить и обшивать дѣтей до десятилѣтняго возраста". Когда родилась у нея вторая дочь и мать заболѣла, такъ что была при смерти и послѣ нѣсколькихъ попытокъ все-таки не могла кормить, — увидавъ, что дочь ея кормитъ другая женщина, она плакала отъ ревности къ ней, тотчасъ удалила кормилицу, и ребенокъ былъ вскормленъ на рожкѣ. „Левъ Николаевичъ находилъ эту ревность естественною и восхищался чадолюбіемъ жены".

Чадолюбіе, чадородіе— здѣсь не кажутся слишкомъ торжественными эти ветхозавѣтныя слова, напоминающія древнихъ библейскихъ патріарховъ—Авраама, Исаака и Іакова, которые получили завѣтъ отъ Бога Израиля: плодитесь и множитесь и наполняйте землю. Что бы ни думали мы о семейномъ счастіи Л. Толстого, нельзя не согласиться, что есть въ этомъ нѣчто цѣлое, твердое, стройное, если не совершенное, то по крайней мѣрѣ завершенное, а слѣдовательно прекрасное, какъ сказалъ бы народъ—*благолѣпное*, т. е. именно самое рѣдкое въ теперешней русской жизни, ни живой, ни мертвой, окончательно не разрушенной, а только изъѣденной, обезображенной, какъ постыдною болѣзнью, разлагающимъ семью карамазовскимъ ядомъ.

Мы, слабые, дерзкіе, слишкомъ жадно устремленные къ будущему, привыкли мало цѣнить эти законченныя формы прошлаго, это „благолѣпіе", „благообразіе", эти цѣпкіе, животно-растительные корни всякой человѣческой культуры, глубоко уходящіе въ подземную, родную, живую, животную темноту и теплоту, которыми однако только и питается и, наперекоръ всякимъ „сѣрымъ теоріямъ", вѣчно зеленѣетъ, купаясь вершиною въ небесной лазури, „златое древо жизни". Намъ кажутся цинически-грубыми и мѣщанскими эти—мо-

жетъ быть только слишкомъ откровенныя— слова Николая Ростова въ эпилогѣ *Войны и Мира*:

„Все это поэзія и бабьи сказки — все это благо ближняго. Мнѣ нужно, чтобы наши дѣти не пошли по-міру; мнѣ надо устроить наше состояніе, пока я живъ; вотъ и все. А для этого нуженъ порядокъ, нужна строгость“.

Пьеръ Безуховъ смотритъ свысока на Николая Ростова, воображая, будто-бы призванъ, посредствомъ своихъ „умствованій“, „дать новое направленіе всему русскому обществу и всему міру“. И Левинъ, подобно маленькому Иртеньеву, считаетъ спасеніе всего человѣчества „удобоисполнимою вещью“. Занимаясь устройствомъ своего хозяйства, т. е. тѣмъ-же въ сущности, что Николай Ростовъ называетъ откровеннѣе „устройствомъ своего состоянія“, Левинъ разсуждаетъ: „это дѣло не мое личное, а тутъ вопросъ объ общемъ благѣ. Все хозяйство, главное—положеніе всего народа совершенно должно измѣниться. Вмѣсто бѣдности — общее богатство, вмѣсто вражды — согласіе... Однимъ словомъ, революція безкровная, но величайшая революція, сначала въ маленькомъ кругу нашего уѣзда, потомъ губерніи, Россіи, всего міра“. А все таки и Левинъ, и Пьеръ Безуховъ, хотя не говорятъ, но дѣйствуютъ и живутъ именно такъ, какъ говоритъ Николай Ростовъ. И въ *Исповѣди* Л. Толстой разоблачаетъ, съ особенною толстовскою, ростовскою и левинскою откровенностью, эту послѣднюю циническую тайну своихъ излюбленныхъ героевъ:

„Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ и потому въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе къ усовершенствованію подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше“.

Онъ даже увѣряетъ, будто-бы и „писательству предавался“ въ это время, т. е. во время созданія „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“, исключительно „какъ средству для улучшенія своего матеріальнаго положенія“, поучая тому, что для него „было единой истиной,—что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше“.

Возвращаясь домой съ охоты или изъ краткихъ, невольныхъ, дѣловыхъ поѣздокъ,— разсказываетъ Берсъ, — онъ каждый разъ выражалъ свое волненіе такъ: „только-бы дома все было благополучно!“

Это—не мѣщанство; это—неизмѣримо глубже и первобытнѣе; это — вѣчный голосъ природы, неодолимое чутье жизни, которое заставляетъ звѣря устраивать логово, птицу — гнѣздо, и человѣка—зажигать огонь семейнаго очага.

„Я двѣ недѣли женатъ, — пишетъ онъ Фету, — и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ... Теперь какъ писать? Теперь незримыя, даже зримыя усилія, и притомъ я въ хозяйствѣ опять прямо по-уши. И Соня со мной. Управляющаго у насъ нѣтъ, — она одна ведетъ контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый садъ, и винокурня“.

Онъ хлопочетъ о покупкѣ яснополянскаго и пензенскаго имѣнія и 6000 десятинъ самарскаго имѣнія, гдѣ устраиваетъ конный заводъ; накупаетъ около сотни башкирскихъ матокъ и, разсчитывая на обиліе молока, скрещиваетъ ихъ съ рысистой верховой англійской и другими породами. Старая яснополянская ключница разсказываетъ о страстномъ его увлеченіи особою породою свиней, необыкновенно жирныхъ, голыхъ, безъ щетины, на короткихъ ногахъ: „въ особенности онъ любовался на своихъ свиней, которыхъ держалъ до трехсотъ штукъ, сидѣвшихъ парами въ отдѣльныхъ небольшихъ хлѣвушкахъ... Здѣсь графъ не терпѣлъ ни малѣйшей грязи: каждый день я и мои помощницы должны были перемывать ихъ всѣхъ, вытирать полъ и стѣны хлѣвушекъ; тогда, проходя по свинятнѣ утромъ,

графъ бывалъ очень доволенъ и громко приговаривалъ: „какое хозяйство! какое хорошее хозяйство!..» За то избави Богъ, если онъ замѣтитъ хоть малѣйшую грязь: сейчасъ разсердится, раскричится... Графъ былъ очень горячій баринъ“.

Анна Сейронъ, бывшая гувернанткою въ домѣ Толстыхъ, въ замѣткахъ своихъ („Шесть лѣтъ въ домѣ гр. Л. Н. Толстого“, С.П.Б. 1895.) кажется, желающихъ быть ехидными, на самомъ дѣлѣ довольно легкомысленныхъ и плоскихъ, говоритъ съ насмѣшкою, что за этими знаменитыми поросятами „ухаживали, какъ за дѣтьми“. Шутка едва-ли удачна. И что изъ того, ежели добрый хозяинъ находилъ время заботиться и о своихъ дѣтяхъ, окруженныхъ, впрочемъ, какъ мы знаемъ, швейцарскими боннами, нѣмками, англичанками, — и о своихъ поросятахъ? Тутъ нѣтъ высокаго и низкаго, благороднаго и презрѣннаго, — тутъ въ хозяйствѣ, какъ въ живомъ тѣлѣ — все цѣльно и стройно, одно къ одному, одно для другого, — люди, животныя, растенія.

И пусть даже, подобно Левину, заботясь о своемъ темномъ и тепломъ логовѣ, занимаясь своими поросятами, утѣшалъ онъ себя мыслью, будто-бы заботится о благѣ человѣчества и что это есть „революція безкровная, но величайшая, сначала въ маленькомъ кругѣ уѣзда, потомъ губерніи, Россіи, всего міра“, — на самомъ дѣлѣ онъ вѣдь только слѣдовалъ глубокому и вѣрному чутью животной жизни: и свиныя хлѣвушки, и дѣтская, и конный заводъ, и пчельникъ, и винокурня, и конторскія книги Софьи Андреевны, — всѣ эти „незримыя и зримыя усилія“ суть покорное волѣ природы свиваніе гнѣзда, благолѣпное *домостроительство*.

И прежде всего тутъ — великая и простая любовь къ жизни, та вѣчно-дѣтская радость жизни, которая была и у Гете. „Левъ Николаевичъ, — разсказываетъ Берсъ, — ежедневно похвалитъ день за красоту его и часто прибавитъ — уже совсѣмъ въ духѣ „великаго язычника“: „Какъ у Бога много богатствъ! У Него каждый день отличается чѣмъ-нибудь отъ другого“.

„Чудесная жара, — пишетъ онъ Фету — купанье, ягоды, привели меня въ любимое мною состояніе умственной праздности... Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями... Давно я такъ не радовался на міръ Божій, какъ нынѣшній годъ. Стою, разиня ротъ, любуюсь и боюся двинуться, чтобы не пропустить чего“. И это — самые для него тяжкіе, страшные годы, когда онъ думалъ о самоубійствѣ, замышлялъ „Исповѣдь“.

Можетъ быть, никогда не былъ онъ болѣе естественнымъ, похожимъ на себя, достойнымъ кисти великаго художника, такимъ, какъ создалъ его Богъ, чѣмъ на башкирскомъ праздникѣ, о которомъ разсказываетъ Берсъ. Черезъ Мухамедъ-Шаха Романовича было разглашено, что графъ Толстой устраиваетъ у себя въ самарскомъ имѣніи скачку на 50 верстъ. Заготовлены были призы: быкъ, лошадь, ружье, часы, халатъ и т. п. Выбрали ровную мѣстность, опахали и измѣрили огромный кругъ въ пять верстъ длиною, и на немъ разставили знаки. Для угощенія были заготовлены бараны и даже одна лошадь. Къ назначенному дню съѣхалось нѣсколько тысячъ народу: уральскіе казаки и русскіе мужики, башкиры и киргизы со своими кочевками, кумысомъ, котлами и даже баранами. Дикая степь, покрытая ковылемъ, уставилась рядомъ кочевокъ и оживилась пестрою толпой. На коническомъ возвышеніи, называемомъ, по-мѣстному, шишка, были разостланы ковры и войлоки и на нихъ кружкомъ разсѣлись башкиры, съ поджатыми подъ себя ногами. Въ серединѣ круга изъ большого турсука молодой башкиръ разливалъ кумысъ и подавалъ чашку по очереди сидѣвшимъ. Это шла круговая. Пиръ длился два дня, былъ веселъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ важенъ и благопристоенъ, потому что

Левъ Николаевичъ умѣлъ „даже въ толпѣ — замѣчаетъ Берсъ — поселить уваженіе къ благопристойности“.

Какой незапамятно-древнею, пастушескою идилліей вѣетъ отъ этого праздника подъ степнымъ небомъ, надъ волнами степного ковыля.

Еще и теперь въ лицѣ семидесятилѣтняго Толстого, въ этомъ суровомъ и чувственномъ, почти грубомъ, мужичьемъ, и все-таки нѣжно-одухотворенномъ лицѣ, которое напрасно онъ самъ и другіе стараются сдѣлать современнымъ, смиреннымъ, покаяннымъ и безплотнымъ, узнаю я иную, не безплотную святость, благолѣпную величавость одного изъ древнихъ патріарховъ, которые водили стада свои между колодцами пустыни и радовались потомству своему, болѣе многочисленному, чѣмъ песокъ морской.

„Я предпринялъ большія дѣла,—говоритъ онъ въ „Исповѣди“ словами Екклезіаста, построилъ себѣ домы, насадилъ себѣ виноградники; устроилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовыя деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощъ, произращающихъ деревья; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ... И сдѣлался я великимъ и богатымъ... И мудрость моя пребывала со мною. Чего-бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселья“.

Однажды графъ Соллогубъ сказалъ Льву Николаевичу:

— Какой вы счастливецъ, дорогой мой! Судьба дала вамъ все, о чемъ только можно мечтать: прекрасную семью, милую, любящую жену, всемірную славу, здоровье,—все.

Въ самомъ дѣлѣ, если не внутри, то извнѣ, это — самая счастливая человѣческая жизнь въ наше время.

„Если-бы пришла волшебница, — признется онъ самъ, — и предложила мнѣ исполнить мое желаніе, я-бы не зналъ, что сказать“.

И вотъ, достигнувъ этой вершины возможнаго людямъ благополучія, онъ заглядываетъ въ противоположную, „вечернюю долину“, — какъ-будто боги, наконецъ, позавидовавъ слишкомъ счастливому смертному, напомнили ему, не потрясающимъ голосомъ бѣды или утраты, а тихимъ шопотомъ Парки, что и надъ нимъ есть рокъ.

Онъ „будто жилъ-жилъ, шелъ-шелъ и пришелъ къ пропасти, и ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ погибели“. Понялъ, какъ царь Соломонъ, что все суета и томленіе духа, и что мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ.

„Я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня; зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самого положенія, но не могъ терпѣливо ожидать конца... Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей“.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ, послѣднемъ поворотѣ жизни, перевалѣ, съ котораго начинается спускъ въ „вечернюю долину“, надо сказать о чувствѣ, которое всегда было въ немъ столь-же сильно, какъ любовь къ жизни, можетъ быть потому, что оно было только обратною стороною этой любви, — о страхѣ смерти.

(*Продолженіе будетъ*).